

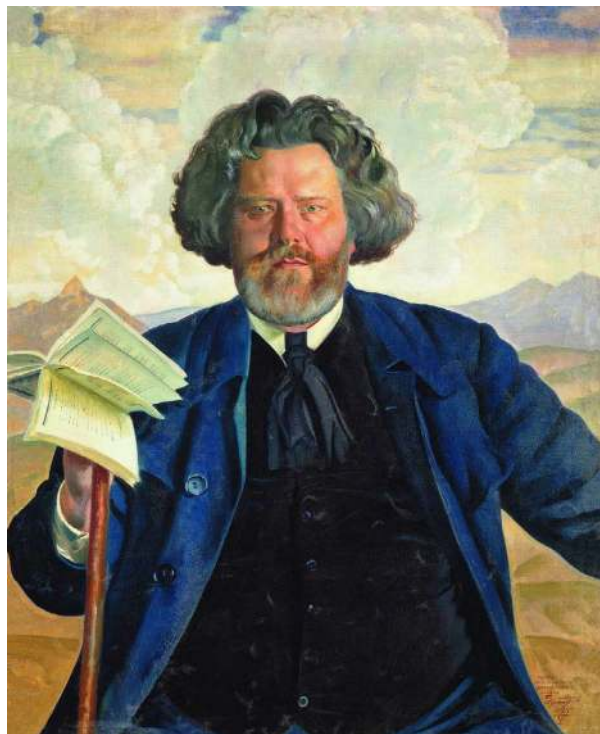
Татьяна Мажорина г. Волгодонск

Когда поймёшь...

К 140-летию Максимилиана Волошина

*Когда поймёшь, что человек рождён,
Чтоб выплавить из мира
Необходимости и Разума
Вселенную Свободы и Любви –
Тогда лишь
Ты станешь Мастером.*

Эти строки, написанные в июне 1917 года, принадлежат одному из ярчайших представителей Серебряного века – Максимилиану Александровичу Волошину, интерес к творчеству которого с годами лишь усиливается. Ответ на вопрос, в чём заключается его притягательность, попыталась дать в своё время ещё Марина Цветаева в очерке-некрологе «Живое о живом»: «...Макс сам был планета. И мы, крутившиеся вокруг него, в каком-то другом, большем круге, крутились совместно с ним вокруг светила, которого мы не знали». Не ослабевает к нему интерес и в наши дни. Его дом в Коктебеле во все времена был полон народа. Открыт он и сейчас для всех желающих ближе познакомиться, душой прикоснуться к жизни и творчеству поэта, публициста, художника и Человека с большой буквы. Как прав был Макс, некогда написав о своём доме:

Максимилиан Волошин.
Портрет работы Бориса Кустодиева

*Всей грудью к морю, прямо на восток
Обращена, как церковь, мастерская,
И снова человеческий поток
Сквозь дверь её течёт, не иссякая.*

Я, собственно говоря, тоже свидетель того, сколь много желающих сюда попасть. Летом 2015 года была в Крыму, останавливалась именно в Коктебеле, а дом Волошина, ставший теперь музеем, посетила дважды. Впечатлений – масса! Попробую, насколько мне удастся, поделиться ими, рассказать о жизни и творчестве одного из любимых мною поэтов. Не заинтересоваться его поэзией просто невозможно. Язык необыкновенно яркий, сочный, метафоричный. Приведу лишь малую толику образов, которые он мастерски использует в своих стихах. К примеру: *река лянными боками качала белый пароход; душа моя в узах своей немоты звенит от безвольных усилий; бурый войлок мха, шёлк листов опалых; стальная дрёма вод, сырой земли угрюмое величье; окаменелые мечты безмолвно грезящей природы (о скалах); там в окне, в зелёной мгле подводной бьются зори огненным крылом (в мастерской); алмазных*

дун чертёж (созвездия); святое око дня, тоскующий гигант (солнце); алмаз ночей, владычица зачатий, царица вод, любовница волны (луна); зарницы синие трепещут беглой дрожью; влачился день по выжженным лугам; сочилась желчь шафранного тумана; горькая душа тоскующей полыни, незрелый колос твоей любви; в кольце одной неволи; жемчугами расшит покров; ступни горят, в пыли дорог душа; бескрылая изнемогла мечта; луга полынные нагорий тускло-серы; изглоданных волною берегов; озёр агатовых колдующие очи; веснушек, летом осмуглённых; вся в нимбах белого пожара и т. д. Однако начнём по порядку...

Максимилиан Волошин родился в Киеве 29 мая (по новому стилю) 1877 года. Кириенко-Волошины по линии отца – Александра Максимовича – потомки запорожских казаков. По линии же матери, Елены Оттобальдовны, предки поэта – давно обрусевшие немцы. Когда Максу исполнился год, семья перебралась в Таганрог на новое место назначения отца – члена таганрогского окружного суда. Семейные отношения разладились, и мать с сыном перебираются в Севастополь. Впечатления от увиденного надолго врезались в детскую память. Город ещё не оправился после героической обороны: опрокинутые колонны Петропавловского собора, деревья, выросшие внутри разбитых домов, одним словом – разруха. Но... на всю жизнь он полюбил светлые камни и жёлтую траву и в зрелом возрасте не раз описывал и рисовал этот пейзаж.

В 1881 году в Таганроге умирает отец, и Елена Оттобальдовна выезжает туда, а затем в Москву, где ей предстоит на какое-то время обосноваться вместе с маленьким сыном. В десять лет юный Макс становится учащимся московской частной гимназии Поливанова, затем – Первой казённой. Внутри зреет протест против «неудобоваримых и ненужных знаний». Из дневника: «Мечтаю о юге и молюсь о том, чтобы стать поэтом». Всё меняется в один день, когда мать и её друг – врач Павел Павлович Теш – совместно покупают у профессора Э. А. Юнге участок земли на побережье неподалёку от Феодосии. Пологие серые холмы, по сути, –

убогий вид, но будущему поэту он кажется «грандиозным и блестящим».

Макс учится в Феодосийской гимназии. Маленький, глубоко провинциальный городок становится местом его поэтического дебюта. В 1897 году он вновь едет в Москву, поступает на юридический факультет. В феврале 1899 года за участие в студенческих беспорядках его отчисляют из университета на год и высылают в Феодосию. Он с матерью и дочерью Теша едет в путешествие по Европе. Заграничные путешествия чередуются с высылками. В 1900 году в Судаче (Крым) его снова подвергают аресту и препровождают в московскую Басманную часть до особого распоряжения.

Оттуда он попадает в Ташкент, где его зачисляют фельдшером в изыскательскую партию. Полтора месяца в степи с караваном не прошли даром. Из глубин Азии он несколько иначе смотрит на европейскую культуру. Усиленно читает Ницше. По возвращении бросает университет, чтобы заняться исключительно самообразованием, посещает лекции в Сорбонне. В Париже знакомится с Маргаритой Сабашниковой и впервые по-настоящему влюбляется. Тихий голос, светлые русалочьи глаза... Талантливая художница, ученица Репина и немного поэтесса. Богатая купеческая дочь (в родне были буряты, торговали с Китаем). Вот как он описывает чувство, нахлынувшее на него с невероятной силой:

*Я ждал страданья столько лет
Всей цельностью несознанного счастья.
И боль пришла, как тихий синий свет,
И обвилась вокруг сердца, как запястье.*

*...И сердце стало из стекла,
И в нём так тонко пела рана:
«О, боль, когда бы ни пришла,
Всегда приходит слишком рано».*

Нельзя сказать, что Маргарита испытывала те же чувства. Она воспринимала его как друга для совместных прогулок по Парижу: «Макс Волошин – человек милый, но смешной. Слишком толстый. Носит безобразно укороченные брюки и нелепое пальто в та-

лию. На то, как он идёт по улице, невозможно смотреть без улыбки. Но он хороший, очень хороший! Просто Макс не её человек». По простоте души она ему об этом сказала и предложила дружбу. Понятно, какую боль испытал Макс в ответ на своё признание в любви, но дружбу не отверг. В конце концов гадалка Анна, подруга Волошина, убедила, что они созданы друг для друга. Результат – две сломанные судьбы.

12 апреля 1906 года свадьба всё-таки состоялась. Обвенчавшись, молодые уехали в Коктебель. На тот момент дом поэта, который он начал строить с 1903 года, уже приобрёл некоторую известность. «У ворот дома приехавших поджидало существо неопределённого пола в шароварах, длинной холстяной рубаше и с непокрытой седой головой. “Ну, здравствуй, возмужал!” – произнесло существо хриплым басом. “Здравствуй, Пра!” – ответил Волошин. Маргарита терялась в догадках: мужчина или женщина? Кем она приходится мужу? Оказалось – матерью. Он с удовольствием облачился в белый хитон, влез в чувяки, а голову украсил венком из полыни. Петербург и Сорбонна остались в прошлом».

Марго без особой сноровки, да и без желания приняла роль хозяйки этакого общепита художников и поэтов. Макс же искренне радовался каждому гостю. Образ жизни мужа она так и не приняла. Союз двух талантливых художников быстро распался:

*Я устал от лунной сказки,
Я устал не видеть дня.
Мне нужны земные ласки,
Пламя алого огня.*

*...Не царевич я. Похожий
На него. Я был иной...
Ты ведь знала: я – Прохожий,
Близкий всем, всему чужой...*

Сабашникова уехала в Петербург и вскоре вступила в гражданский брак с выдающимся историком и филологом, поэтом Вячеславом Ивановым. Волошин болезненно переживал разрыв. На тот момент он больше был известен как критик и публицист,

а тут стихи полились рекой, причём стихи зрелые, взвешенные, пронзительные. И события в стране, видимо, подстегнули к этому. Он стал свидетелем расправы с народом, пришедшим к царю за помощью. Приведу отрывок из стихотворения «Предвестия» о кровавом воскресенье 1905 года:

*В багряных свитках зимнего тумана
Нам солнце гневное явило лик тройное,
И каждый диск сочился словно рана...
И выступала кровь на снежной пелене.*

Или ещё несколько философские стихи на эту же тему, ничуть не уступающие по степени эмоционального воздействия предыдущему. Первые строфы написаны дома, а логическое завершение – несколько позже в Париже:

Народу русскому:

*Я скорбный Ангел Миценья!
Я в раны чёрные – в распаханную новь
Кидаю семена. Прошли века терпенья.
И голос мой – набат.
Хоругвь моя, – как кровь.*

*...Не сеятель сберёт колючий колос сева.
Принявший меч погибнет от меча.
Кто раз испил хмельной отравы гнева,
Тот станет палачом иль жертвой палача.*

Макс также пишет удивительно светлые лирические стихи, его слог набирает силу, заявляет о себе всё увереннее, чётче, ярче. Прочитую отрывок из стихотворения «Вечерние стёкла»:

*Гаснет день. В соборе всё поплёкло.
Дымный камень лиловат и сер.
И цветами отцветают стёкла
В глубине готических пещер.
...Хризолит осенний и пьянящий,
Мёд полудней – царственный янтарь,
Аметист – молитвенный алтарь,
И сапфир, испуганный и зрящий.
В них горит вечерний океан,
В них призыв далёкого набата,
В них глухой, торжественный орган,
В них душа стоцветная распята.*

Дом в Коктебеле

В доме Волошина останавливались: М. Булгаков, К. Чуковский, Е. Замятин, М. Пришвин, В. Ходасевич, М. Горький, М. Шагинян, И. Эренбург, О. Мандельштам, сёстры Цветаевы, В. Харт, К. Бальмонт, С. Соловьёв, С. Городецкий, А. Грин, К. Тренёв, Ю. Оболенская и многие-многие другие известные писатели и художники. Денег хозяин принципиально не брал ни с кого. Основное условие – желательно внести интеллектуальный вклад.

Жизнь протекала плодотворно и весело. Многие из них расхаживали в хитонах и сандалиях, на берегу могли оголиться, чем вводили в шок благонамеренных дачников. Особое отношение было к розыгрышам, в которых Макс всегда принимал участие, а подстрекателем зачастую была Елена Оттобальдовна – мать поэта. Иногда это заходило слишком далеко, как в случае с Елизаветой Дмитриевой, например. Особой красотой не отличалась, полновата, слегка прихрамывала, этакая «золушка», но писала хорошие стихи и благоволила к Максиму. Чтобы приукрасить жизнь девушки и внести некую долю адреналина, он изобрёл целую эпопею об испанке аристократического происхождения Черубине де Габриак. «В стихи Дмитриевой, незамысловатые и чисто “женские”, он рукою хитроумного цензора ввёл соответствующую атрибутику: шпаги, розы, южные недетские страсти». О секрете знал лишь Алексей Толстой.

Сергей Маковский – редактор модного в то время питерского журнала «Аполлон», печатая стихи, заочно влюбился в таинственную испанку (возможно, полуфран-

цузенку). На эту «удочку» попался и Николай Гумилёв. Волошин тоже при удобном и неудобном случае распинался о роковой страсти. Вскоре весь Петербург заговорил о Черубине, которая тихо-мирно жила в скромной квартирке одного из нефешенебельных районов города и ходила на работу в Петровскую гимназию. К тому же Елизавета сама время от времени писала меткие эпиграммы в адрес прославленной и обожаемой «незнакомки». Когда интрига раскрылась, Маковский сделал хорошую мину при плохой игре и предложил сотрудничество. Хуже отреагировал Гумилёв, публично отпустив колкость в её адрес. Волошин, заступившись, влепил пощёчину обидчику и немедленно был вызван на дуэль. К счастью, обошлось благополучно...

Для меня лично Макс Волошин служит образцом того, как можно самостоятельно достичь такого уровня в творчестве. Он прекрасно владел всеми средствами образности языка (тропы, стилистические фигуры, лексические средства художественной выразительности). Заслуживают внимания удивительно красивые сонеты и венки сонетов, написанные по всем правилам. Рифмованные стихи, выполненные разными размерами, создают своеобразную динамику при прочтении. Довольно ёмкие, точные белые стихи. А вот пример одного из верлибров:

*День молочно-сизый расцвёл и замер,
Побелело море, целуя отмель.
Всхлипывают волны, роняют брызги
Крылья тумана...
Обнимает сердце покорность. Тихо...
Мысли замирают. В саду маслина
Простирает ветви к слепому небу.*

Конечно же, ему трудно забыть свою первую любовь. Как негласное обращение к Маргарите звучат слова:

*Теперь я мёртв. Я стал строками книги
В твоих руках...
И сняты с плеч твоих любви вериги,
Но жгуч мой прах.
Меня отныне можно в час тревоги
Перелистать,*

Но сохраняя всегда твои дороги

Мою печать.

Похоронил я сам себя в гробницы

Стихов моих,

Но вслушайся – ты слышишь пенье птицы?

Он жив – мой стих!

Максимилиан Александрович – человек необычайной доброты и радушия, человек, абсолютно не приемлющий зла и насилия ни в жизни, ни в искусстве. На пороге Первой мировой войны, когда в Европе уже объявлена мобилизация, он рубит барельефы для антропософского храма всех религий в швейцарской деревеньке Дорнах. Философия его проста: «Тот, кто убеждён, что лучше быть убитым, чем убивать, и что лучше быть побеждённым, чем победителем, так как поражение на физическом плане есть победа на духовном, – не может быть солдатом».

Здесь важно отметить, что Волошина, вернувшегося на родину к началу мобилизации, комиссия признала непригодным по состоянию здоровья. И что интересно, он молился и за тех, и за других. К тому же считал, что молиться за врага более продуктивно, поскольку молитва открывает глаза агрессору на несправедливость своих действий, одновременно помогая борющимся за правое дело.

Полагаю, самое время привести изрядно нашумевшую «репинскую историю». В чём её суть? Да в том, что некий Абрам Балашов, не совсем здоровый в психическом плане человек, исполосовал ножом картину великого живописца «Иван Грозный и сын его Иван». Верный своим принципам отрицания любой формы насилия, поэт обвинил самого Илью Репина, поскольку его талант был использован во зло и, следовательно, потерпевшей стороной является незаконно обвиняемый гражданин. Естественно, навлек на себя неудовольствие общественности, но мнения не изменил. Не правда ли, необычная трактовка? Однако не лишена некоторого смысла...

Понятное дело, революцию в России и последующую за ней гражданскую войну он встретил отрицательно. И вновь спасает

и молится и за красных, и за белых. Проци-тирую стихотворение поэта «Заклинание»:

Из крови, пролитой в боях,

Из праха обращённых в прах,

Из мук казнённых поколений,

Из душ, крестившихся в крови,

Из ненавидящей любви,

Из преступлений, исступлений –

Возникнет праведная Русь.

Я за неё за всю молюсь

И верю замыслам предвечным:

Её куют ударом мечным,

Она мостится на костях,

Она святится в ярых битвах,

На жгучих строится мощах,

В безумных плавится молитвах.

Летом 1918 года его гостеприимством пользуется муж Марины Цветаевой, участник Белого движения Сергей Эфрон. А вскоре контрразведка Врангеля по недоразумению задержала Осипа Мандельштама. Волошин прилагает все усилия для его спасения.

И это ему удаётся! Со слов Марины Цветаевой, он может договориться с любым, даже с тем, «кто стреляет раньше, чем думает». Было время, когда Макс укрывал у себя одного из организаторов подпольного большевистского съезда – Бела Куна, а тот, в свою очередь, спас его от расстрела. Как позже Волошин напишет: «Из самых глубоких кругов преисподней Террора и Голода я вынес свою веру в человека».

Я сам избрал пустынный сей затвор

Землёю добровольного изгнания,

Чтоб в годы лжи, падений и разрух

В уединенье выплавить свой дух

И выстрадать великое познание.

В годы гражданской войны он познакомился со своей будущей женой – Марией Заболоцкой. Она шла по улице и плакала, поскольку у неё пропала собака. Макс начал её успокаивать. С того всё и началось. Она не отличалась ни красотой, ни талантом, даже женственности в ней практически не ощущалось. Но была очень хорошим

фельдшером и умела сочувствовать людям. Когда заболела его мать, Маша все заботы взяла на себя. Перед смертью Елена Оттобальдовна просила не оставлять Марусю, это и определило его дальнейшую судьбу. У самого Макса к тому времени уже случались приступы астмы, плюс обострилась болезнь суставов. Она безропотно исполняла все заботы по «аристократическому общежитию». «Какое счастье, что я около Макса! Господи, какой это большой человек!» – запишет она в своём дневнике.

Волошин составляет сборники из стихотворений, написанных в самые страшные для страны годы «Неопалимая купина. Стихи о войне и революции» и «Путиами Каина. Трагедия материальной культуры». Ни о какой публикации можно было и не мечтать. В печально известном в истории русской литературы журнале «На посту» появляется статья Б. Таля «Политическая контрреволюция в стихах М. Волошина». Её название уже говорит само за себя. И тем не менее, какое бы ни было тяжёлое время, Макс никогда даже мыслей не держал оставить свою Русь, поскольку беззаветно и преданно любил её:

*Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?
В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,
След босой ноги благословляя, –
Ты – бездомная, гуляющая, хмельная,
Во Христе юродивая Русь!*

В 1931 году в Крыму вновь страшный голод. Атмосфера становится всё более тревожной и удушающей. В самые трудные дни жена предлагает ему повеситься вместе. Мысли о суициде посещают и самого поэта. Он горько иронизирует: «Лучше “расстреляться” по примеру Гумилёва». Не могу не процитировать строки из стихотворения автора «На дне преисподней», посвящённого памяти Блока и Гумилёва:

*С каждым днём всё диче и всё глуше
Мертвенная цепенеет ночь.
Смрадный ветер, как свечи, жизни тушит:
Ни позвать, ни крикнуть, ни помочь.
Тёмен жребий русского поэта:*

*Неисповедимый рок ведёт
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот.
Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца – Русь!
И на дне твоих подвалов сгину
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей Голгофы не покину,
От твоих могил не отрекусь.
Доконает голод или злоба,
Но судьбы не изберу иной:
Умирать, так умирать с тобой,
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба!*

Как бы то ни было, он всё же получает членский билет «Всероссийского Союза советских писателей», подаёт заявление о передаче каменного флигеля под «Дом поэта», естественно, безо всякой арендной платы. К следующему году состояние резко ухудшилось, его речь понимала только жена. Но... каждый день последнего лета он писал акварели. Сильно мучившая его астма осложнилась гриппом, перешедшим в воспаление лёгких. 11 августа Максимилиан Александрович умер. Похоронили его, согласно завещанию, на вершине горы Каучук-Енишар. Оттуда открывается прекрасный вид на Коктебельскую бухту. С противоположной стороны бухту замыкает суровый Кара-Даг, вершина которого напоминает высеченный в камне профиль поэта. Некое, можно сказать, мистическое сходство он заметил ещё при жизни, написав пророческие стихи, подтверждающие этот факт:

*И Коктебеля каменная грива:
Его полынь хмельна моей тоской,
Мой стих поёт в волнах его прилива.
И на скале, замкнувшей глубь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой.*

И теперь многие приезжающие в Коктебель поднимаются к могиле Волошина, читают его стихи и кладут сверху разноцветные камешки (коих на берегу великое множество), опять же по его завещанию, как дань памяти замечательному поэту, художнику, публицисту, историку и краеведу...

Могила поэта

Эпиграф

Вроде бы рассказала вкратце о жизни и творчестве любимого мною поэта, но чувствую какую-то незавершённость. В конце концов поняла, чего не хватает, – нужно описать внутреннюю часть дома, чтобы читатель имел более полное представление о незаурядной личности Максимилиана Александровича. Полагаю, наиболее полно раскрыть внутренний мир автора поможет его мастерская, поскольку это «сердце» его жилища. Войдя в помещение, неожиданно встречаем аккуратные полочки вдоль стены, а на них: молотки, рубанки, топоры, ножовки, пилы по железу и т. д. Волошин умело слесарил, столярничал, плотничал, возделывал землю. Повсюду в глиняных вазах и берестяных туесках, изготовленных мамой – Еленой Оттобальдовной, стоят засушенные горные растения, которые поэт собирал для оформления интерьера.

Неутомимый путешественник и краевед, он также «коллекционировал уникальные свидетельства истории: фрагмент корабля гомеровской эпохи, на котором сохранилась обшивка бронзовыми пластинами; остатки античной керамики с плато Тепсень, эллинские амфоры...» В летнем кабинете, который служит продолжением мастерской, стоят посмертные маски Пушкина, Толстого, Достоевского. Кроме этого, многочисленные фигурки из камня и дерева, сделанные собственноручно, морские раковины всевозможных расцветок и габриаки (сухие корни и ветви причудливой формы). Очертания одного из них напоминают устремлённую куда-то вдаль женскую фигурку. Её

название – «Бегущая по волнам» – помогло А. Грину озаглавить один из известных своих романов. Привлекает внимание раковина с необычной цветовой гаммой. Бытует мнение, что М. Врубель позаимствовал краски для своей знаменитой картины.

Каюта Таиах в мастерской Волошина

Святая святых его мастерской – небольшой уголок, отгороженный деревянной стенкой, так называемая каюта, в которой хранится гипсовый слепок головы египетской царицы Таиах – жены фараона Аменхотепа III (1455–1419 г.г. до н. э.), свекрови красавицы Нефертити. В историю вошла как царица солнца. Волошин безмерно дорожил им, поскольку усматривал в этом поразительное сходство с Марией Сабашниковой – его первой любовью. На жёстких спинках диванов в каюте Таиах размещены гравюры японских мастеров. Слепок с образом Солнцеликой он приобрёл в Берлине в 1905 году и с той поры никогда с ним не расставался, даже в путешествиях. Поэт долго искал для «египтянки» место, где бы её загадочная улыбка сияла всем входящим особенно очаровательно. Со слов экскурсовода, это и в наше время можно видеть в середине августа, в ночь полнолуния. А любоваться этим шедевром мы можем только благодаря мужеству и самоотверженности супруги – Марии Степановны, которая в годы оккупации буквально «выдрала» этот слепок со стены и спрятала в подполье на 570 дней...

В мастерской художника представлены все жанры живописи. Здесь же портреты

хозяйина дома кисти К. Петрова-Водкина, М. Шаронова, В. Бобринского, а также портрет, выполненный в кубистической манере знаменитым мастером Диего Ривера, с которым Волошин подружился в Париже. Второй портрет кисти Риверы – миниатюра на подносе хлеба, который как бы дополняет первый.

Огромную ценность представляет богатейшая библиотека, насчитывающая более девяти тысяч изданий, из них три тысячи – на французском языке, которым Максимилиан Александрович владел в совершенстве. А собирать её он начал ещё с гимназических лет! Среди них, не считая художественной литературы, книги по истории, искусствоведению, ботанике, физике, археологии, астрономии, медицине, сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина и рядом – А. Шопенгауэра, Д. Дидро, Г. Спенсера и др. Особой популярностью у него пользовались путеводители, поскольку он исколесил чуть ли не всю Европу (и не только её) и словари. Обратите внимание на то, что пишет поэт по поводу своего «общения» с книгами:

*Мой кров убог. И времена суровы.
Но полки книг возносятся стеной.
Здесь по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы.*

Более сотни книг с автографами, дарительными надписями от друзей: С. Городецкого, Ф. Сологуба, М. Шагинян, С. Маковского, М. Цветаевой, А. Толстого и др. Максиму Волошину принадлежит замечательное по глубине мысли высказывание, которым я и хочу завершить небольшой обзор большого дома-музея: «Жилище человека – его раковина. Книги – его жемчужина: болезнь и драгоценность». Полагаю, лучше и не скажешь...

Использованная литература:

Максимилиан Волошин. *Стихотворения*. – Москва: Профиздат, 2007 г. (Поэзия XX века).
Поэт и художник Максимилиан Волошин. – ООО Фирма «Салта» ЛТД – Украина, АР Крым, г. Симферополь, 2012 г. Журнал «Караван истории» – статья А. Александрова, 2012 г.

Кок-тепе-эль¹

*Восторг таинственный припал
к родной земле*
Максимилиан Волошин

Край голубых вершин, пристанище поэтов,
Серебряного века колыбель...

Купается в лучах из солнечного света –
Моя мечта – посёлок Коктебель!..

Как будто в сказке я –
 клубок волшебный брошен:
С невольным трепетом за ним «ведусь»
В тот дом, где некогда творил
 и жил Волошин,
Пером и акварелью славя Русь.

Вхожу и растворяюсь в атмосфере дома:
Старинных фото, манускриптов, книг,
Картин и масок, будто магией влекома,
Я вчитываюсь в жизни черновики...

Хитон и палочка, японские гравюры...
И бюст египетской царицы Тайах –
Отныне – раритет,
 весомый вклад в культуру,
А на горе в могиле – тлеет прах...

Вокруг же –
 первозданная природа Крыма...
Лежит как на ладони Коктебель,
И камешки несут к могиле пилигримы,
И кружит-кружит жизни карусель...

На сотни миль кругом –
 лучистая безбрежность,
Расплавленные дни и Кара-Даг –
Безмолвный исполин.
 В душе разлита нежность...
И моря синь... Восторг – не передать! 28–

30 апреля 2017 г.

¹ Кок-тепе-эль – в переводе с тюркского – Край голубых вершин.